

Николай Васильевич Гоголь

Деловые бумаги

Содержание

<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО гр. Л. А. ПЕРОВСКОМУ или кн. П. А. ШИРИНСКОМУ-ШИХМАТОВУ или гр. А. Ф. ОРЛОВУ.> {1}	0004
<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО НАСЛЕДНИКУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.> {2}	0014
<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО В. Д. ОЛСУФЬЕВУ.> {3}	0018
<ДИРЕКТОРУ ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО И КАВАЛЕРУ ДАНИЛУ ЭМЕЛЬЯНОВИЧУ ЯСНОВСКОМУ.> {4}	0021
<АРСЕНИЮ АНДРЕЕВИЧУ ЗАКРЕВСКОМУ> {5}	0023
<ИВАНУ УСТИНОВИЧУ ПЕЙКЕРУ>	0025
<ЛЬВУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПЕРОВСКОМУ 27 МАРТА 1830> {6}	0027
<ЛЬВУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПЕРОВСКОМУ>	0029
АНТОНУ АНТОНОВИЧУ ДЕГУРОВУ {7}	0030
< ПРОШЕНИЕ НАСЛЕДНИКУ, ПИСАННОЕ ГОГОЛЕМ ДЛЯ А. А. ИВАНОВА. > {8}	0032
<ДОВЕРЕННОСТЬ А. А. ИВАНОВУ> {9}	0034
<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО НИКОЛАЮ I.> {10}	0035
<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО НИКОЛАЮ I.> {11}	0038

Николай Васильевич Гоголь

Деловые бумаги

**<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО
гр. Л. А. ПЕРОВСКОМУ или
кн. П. А. ШИРИНСКОМУ-
ШИХМАТОВУ или гр. А. Ф.
ОРЛОВУ.>{1}**

<10-18 **г.** июля 1850. Васильевна.>

Ваше сиятельство милостивый государь.

Скажите мне откровенно, можно ли и прилично ли ввести государя наследника в мое положе<ние>. Признаюсь, никогда бы не посм<ел> я просить о каком-либо вспомошествов<ании>, если бы не жило во мне твердой уверенности, что я долг заплачу и что не будет <2 нрзб.>. [Две первые фразы вписаны над зачеркнутой: покуда к вам прибегаю более за советом, чем с просьбой] Обстоятельства мои таковы, что я должен буду просить позволения и даже средств проводить три зимние месяца [В подлиннике: месяцы] в году в Греции [Дальше над незачеркнутым текстом вписано: обстоятельства мои такого рода, что мне

нужно жить] или на островах Средиземного моря, или где-нибудь [Дальше над незачеркнутым текстом вписано: так же, как осенние и летние внутри России] на Востоке невелики от России. Это не прихоть, но существенная потребность моего слабого здоровья и моих умственных работ. Я пробовал переломить свою природу и, укрепившись пребыванием на юге, приехал было в Россию с тем, чтобы здесь заняться и кончить свое дело, но суровость двух северных зим расстроила снова мое здоровье. Не столько жаль мне самого здоровья, сколько того, что время пропало даром. А, между тем, предмет труда моего не маловажен. [Сочинение мое вовсе не маловажно.] В остальных частях «Мертвых душ», над которыми теперь сижу, выступает русский человек уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и странностями, [не каким-и-нибудь пошлостями и странностями, случайно к нему приставшими] но всей глубиной своей природы и богатым разнообразием внутренних сил, в нем заключенных. Если только поможет бог произвести всё так, как желает душа моя, то, может быть, и я

сослужу службу земле своей не меньшую той, какую ей служат все благородные и честные люди на других поприщах. Многие нами позабытое, пренебреженное, брошенное следует выставить ярко, в живых, говорящих примерах, способных подействовать сильно; о многом существенном и главном следует напомнить человеку вообще и русскому в особенности. Поэтому мне кажется, что я имею некоторое право побережь себя и позаботиться о своем самосохранении. Принужденный поневоле наблюдать за своим здоровьем, я уже заметил, что тот год для меня лучше, когда лето случалось провести на севере, а зиму на юге. Летнее путешествие по России мне необходимо потому, что на многое следует взглянуть лично и собственными глазами. Зимнее пребывание в некотором отдалении от России, на юге, тоже необходимо (не говоря уже о потребности для здоровья): точно так же, как тому, кто бы хотел обозреть выстроенное в равнине войско, необходимо подняться на возвышенье, откуда бы всё видно было, как на ладоне, точно так же писателю, приобывшему созерцать, бывает необходимо временное

отдаленье от предмета, который он видел вблизи, затем, чтобы лучше обнять его. У меня же это преимущественная особенность моего глаза. [у меня это в особенности важно: я уже испытал природу своего глаза] Присоветуйте, придумайте, как поступить мне, чтобы получить беспошлинный паспорт и некоторые средства для проезда. Состоянья у меня нет [Я состоянья не имею] никакого; жалованья не получаю ниоткуда; небольшой пенсion, пожалованный мне великодушным государем на время пребывания моего за границей для излеченья, прекратился по моем возвращеньи в Россию. Конечно, я бы мог иметь средства, если бы решился выдать в свет мое сочинение в неготовом и неконченном виде — но на это не решусь никогда. Есть слава, богу, совесть, которая не позволит мне этого даже и в таком случае, если бы я очутился в последней крайности. Всякому человеку следует выполнить на земле призванье свое добросовестно и честно. Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное здесь, дам ответ там, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему сооб-

раженью и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель. Прежде мне было возможно скорее писать, обдумывать и выдавать в свет, когда дело касалось только того, что достойно осмеянья в русском человеке, только того, что в нем пошло, ничтожно и составляет временную болезнь и наросты на теле, а не самое тело, но теперь, когда дело идет к тому, чтобы выставить наружу всё здоровое и крепкое в нашей природе и выставить его так, чтобы увидали и сознались даже не признающие этого, а те, которые пренебрегли [бросили] развитие великих сил, данных русскому, устыдились бы, — с таким делом нельзя торопиться. Такая работа не совершается скоро. Много нужно для этого созреть и умом и душой и быть в отдалении от всего, возмущающего высокое настроение духа, много нужно тайных молитв, сокровенных сильных слез... словом, много того, чего я не могу объяснить, что и объяснять мне неприлично.

Мне кажется, если бы доставлена была мне возможность в продолженье трех лет

сделать три летние поездки во внутренность России и три зимние пребывания вне ее под благоприятным климатом юга, всегда действовавшим освежительно на мои силы и творческую способность, — такое благодеяние не пропало бы даром. Сверх мной упомянутого большого сочинения, я бы мог окончить тогда ту необходимую и нужную у нас книгу, мысль о которой меня занимает с давних времен и за которую (дай только бог сил исполнить, как хочется) многие отцы семейств скажут мне спасибо. [В черновой редакции далее начато: Всем нам уже известно, сколько бедствий и беспорядков в Русской земле произошло от собственного нашего неведения земли своей. [Это неведение земли кладется] Книгу, которая бы знакомила русского еще с детства с землей своей, ибо едва ли не главной причиной всех нестроений и внутренних беспорядков есть неведение русских собственной земли своей, [которое] точно как бы [именно] с умыслом кладется в основу нашего воспитания в тот [именно] возраст, который называется детским, но в который живеи воображение и всё, что раз взо-

шло, остается навеки.] Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев, но когда все его способности свежее, [Когда его способности свежи] чем когда-либо потом, а воображение чутко и удерживает навеки всё, что ни поражает его. Такую книгу (мне всегда казалось) мог составить только такой писатель, который умеет схватывать верно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства народа, [Далее начато: который в то же время дар] а всякую местность со всеми ее красками поставлять так ярко <и> выставить так живо, чтобы она навсегда осталась в глазах, который, наконец, имел бы способность сосредоточивать сочинение в одно слитное целое так, чтобы вся земля от края до края со всей особенностью своих местностей, свойствами кряжей и грунтов врезалась бы как живая в память даже [еще] несовершеннолетнего отрока и было бы ему очевидно даже

[еще] во младенчестве, какому углу России что именно свойственно и прилично, и не пришло бы ему потом в голову, придя в зрелый возраст, заводить несвойственные ей фабрики и мануфактуры, доверяя иностранным промышленникам, заботящимся о временной собственной выгоде. И точно таким же образом чтобы ему еще во младенчестве видны были в настоящем виде качества и свойства русского народа со всем разнообразием особенностей, какими отличаются его ветви и племена, чтобы еще во младенчестве ему было видно, к чему именно каждый из этих племен способен вследствие орудий и сил, ему данных, и обращал бы он внимание потом, когда приведет его бог в зрелом возрасте сделаться государственным человеком, на особенности каждого из них, уважал бы обычаи, порожденные законами самой местности, и не требовал бы повсеместного выполнения того, что хорошо в одном угле и дурно в другом.

Книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним

моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова. В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава богу, беспрестанно во мне увеличивающуюся, на споспешество всех истинно знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей, [на споспешествование своими сведениями добрых и умных людей] а пуще всего на милость и помощь божью, без которой ничто не совершится и начинанье наискуснейшего погибнет вначале. Если необыкновенность просьбы моей, уже зависящей от необыкновенности моих обстоятельств, затруднит вас дать совет мне, тогда поступите так, как, может быть, и без меня научит вас благородное сердце. Представьте это письмо прямо, как оно есть, на суд его императорского величества. Что угодно будет богу внушить его [ему] монаршей воле, то, верно, будет самое законное решение. Во всяком случае великодушный государь не прогневается на своего верного подданного, от всех сил стремящегося принести пользу [который от всех сил стремится принести от себя на пользу] родной

земле своей, столь драгоценной его монарше-
му отеческому, многолюбящему сердцу.

<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО НАСЛЕДНИКУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.> {2}

[В подстрочных сносках к этому письму дана незаконченная правка Гоголя карандашом.]

<Конец августа—сентябрь 1850 г. Васильевка.>

Милостивейший государь!

С полною доверенностью к благородному сердцу вашего и <мператорского> высочества, прибегаю к вам без всяких предисловий. Ваше в <ысочество> читали мои сочинения, и некоторые из них удостоились вашего высокого одобрения. Последняя книга, на которую я употребил лучшие мои силы, — это «Мертвые души». Но из них написана [Далее надписано: вышла в свет] только первая [Далее надписано: самая малая] часть. Вторая же, где русский человек выступает не одними пош-

лостями, но [Далее надписано: Но самое главное и] всей глубиной своей богатой природы, [Надписано: со всем запасом сил] еще не вполне окончена. Труд этот может один доставить мне способ существования, ибо состояния у меня нет никакого. Небольшой пенсiон, пожалованный мне великодушным государем на излечение мое за границей, прекратился по моем возвращении в Россию.

Окончить вторую часть «Мертв<ых> душ» я должен [Далее надписано: уже] для того, чтобы было чем жить. [Далее надписано: Потому что у меня весь доход из трудов моих собствен<енных>. Я ниоткуда не получаю ни жалованья ни доходов. Как-нибудь мне не хочется кончить да и не в моей власти. Дело свое нужно сделать] Но здоровье мое так слабо, что я не могу выносить холодного климата и в продолжение зимы работать не могу вовсе. Чтобы поправить несколько мое здоровье, мне необходимо проводить [Зачеркнуто: Чтобы поправить несколько мое здоровье, мне необходимо проводить и надписано: Если бы три зимних месяца предоставлять]

ежегодно три месяца в Греции, на островах Средиземного моря или где-нибудь на Востоке, вблизи России. [Здесь надписано: всё равно как мне необходима также поездка] Если б доставлена мне была [Зачеркнуто: Если б доставлена мне была и надписано: и в то же время] возможность в продолжении [Далее надписано: этих] трех лет сделать три летних поездки во внутренность России и три зимние на юг или на Восток, [Надписано: необходимые [тоже] для моего сочинения] [тоже 1 нрзб.] прямо относящаяся до России] такое благодеяние не пропало бы для меня даром.

Милостивейший государь! Осмеливаюсь просить в^{аше} и^{мператорское} в^{ысочество} исходатайствовать мне у государя императора некоторое денежное пособие, хотя заимообразно, на три или четыре года, до совершенного и добросовестного окончания второй части «Мертвых душ».] второй части «Мертвых душ» зачеркнуто и вписано: сочинения», которое, если бог милостив, которое, мне говорит мое сердце, будет достой-

но внима<ния> по [край<ней мере>] потому,
что желанье принести истинную пользу, не
было такой силы в груди, как эта]

Вашего импер<аторского> высочества ми-
лостивейшего государя моего верный и всепо-
корный слуга

Н. Г.

<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО В. Д. ОЛСУФЬЕВУ.>^{3}

<Конец августа—сентябрь 1850. Васильев-
ка.>

Я долго колебался и размышлял, имею ли право осмелиться беспокоить государя наследника просьбою. Наконец подумал так: я занимаюсь сочинением, которое касается близкой сердцу его России. Если сочинение мое пробудит в русских любовь ко всему тому, что составляет ее святыню и с тем вместе поселит в нем охоту к занятиям и трудам, более прочих свойственным нашей земле, то это с моей стороны есть уже тоже некоторый род службы, полезной отечеству. Сочинение мое «Мертвые души» долженствует обнять природу русского человека во всех ее силах. Из этого сочинения вышла в свет одна только часть, содержащая в себе осмеянье всего того, что несвойственно нашей великой природе, что ее унизило; вторая же часть, где русский человек является уже не пошлой своей сторо-

ной, но всей глубиной своей природы, со всем величием своего характера, не могла быть так скоро оконченной. Много нужно было обдумать и созреть самому. Теперь часть дела уже сделана. Но я устал, утомился, и здоровье мое, которым было запаса в Италии, вновь ослабело, и, что всего хуже, суровость климата отнимает у моей головы способность работать в зимнее время; две зимы пропали здесь даром. Чувствую, что для оживленья труда моего и окончанья нужно большее сближенье с Россией и временное отдаленье от нее.

Если бы в продолжение трех лет была у меня возможность совершать в летние месяцы путешествие по России, а на три зимние месяца удаляться невдали от нее или на острова Греции или где-нибудь на Востоке затем, чтобы поработать в тишине, — сочиненье мое было бы кончено не к бесславию Русской земли. Ибо нет у меня другой мысли: этим живу, этим дышу, молюсь богу только об этом. Но как добыть на это средства? Доходов и жалованья я не получаю ниоткуда. Пенсия, пожалованный мне великодушным госу-

дарем во время пребывания моего в Италии для излечения, прекратился с возвратом моим в Россию. Три года я здесь перебивался кое-как в надежде, что, когда окончу сочиненье, тогда сбыт его вознаградит меня достаточно. Но жестокие две зимы отняли у головы моей производительность, а у воображенья крылья.

Если я не имею права просить о вспомоществовании денежном, то, мне кажется, я могу просить об оказанье покровительства, о беспошлинном паспорте, давшем бы мне право прожить три зимы в теплых местах, и казенной подорожной, обезопасившей бы на три года мое путешествие по России.

**<ДИРЕКТОРУ ГИМНАЗИИ
ВЫСШИХ НАУК КНЯЗЯ
БЕЗБОРОДКО И КАВАЛЕРУ
ДАНИЛУ ЭМЕЛЬЯНОВИЧУ
ЯСНОВСКОМУ.>^{4}**

Его высокоблагородию господину директору
Гимназии высших наук князя Безбородко
и кавалеру Данилу Эмельяновичу Ясновско-
му.

От окончившего курс наук в этой гимна-
зии

Николая Васильева сына

Гоголь-Яновского

Прошение.

Желая определиться в государственную
службу прошу всепокорнейше вашего высо-
коблагородия до выдачи надлежащего атте-
стата снабдить меня свидетельством об уче-

нии и поведении моем.

Николай Гоголь-Яновский.

1828 года октября 10 дня. г. Нежин.

<АРСЕНИЮ АНДРЕЕВИЧУ ЗАКРЕВСКОМУ>^{5}

Его высокопревосходительству господину
министру внутренних дел генерал-адъ-
ютанту и кавалеру Арсению Андреевичу
Закревскому.

От студента 14-го класса Николая Го-
голь-Яновского

Прошение.

Окончив курс наук в Гимназии высших наук князя Безбородко, получил я аттестат с правом на чин 14-го класса, который при сем имею честь представить. Ныне же имея желание вступить в гражданскую его императорского величества службу, покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство повелеть определить меня в оную по управляемому вами министерству внутренних дел.

Студент 14-го класса Николай Гоголь-Янов-

ский. 1829 года октября дня.

<ИВАНУ УСТИНОВИЧУ ПЕЙКЕРУ>

Его превосходительству господину директору государственного хозяйства и публичных зданий действительному статскому советнику и кавалеру

Ивану Устиновичу Пейкеру.

От студента Николая Гоголь-Яновского

Прошение.

Не имея возможности служить в вверенном Вам департаменте по причине воспоследующей в скором времени долговременной моей отлучки, прошу покорнейше Ваше превосходительство приказать выдать мне аттестат, выданный из заведения в засвидетельствование моих успехов и поведения, представленный мною Вашему превосходительству.

Студент Николай Гоголь-Яновский. Февра-

ля 25 дня 1830 года. 382

**<ЛВУ АЛЕКСЕЕВИЧУ
ПЕРОВСКОМУ 27 МАРТА
1830>^{6}**

Его превосходительству господину вице-президенту департамента уделов
Льву Алексеевичу Перовскому двора его императорского величества гофмейстеру и кавалеру

От студента Николая Гоголь-Яновского

Прошение.

Имея желание служить под лестным начальством Вашего превосходительства, приемлю смелость всепокорнейше просить об определении меня в департамент уделов в число канцелярских чиновников по 11-му отделению оною.

Выданный мне из Гимназии высших наук князя Безбородко аттестат у сего имею честь представить.

Студент Николай Гоголь-Яновский. 27 марта
та дня 1830 года.

<ЛЬВУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПЕРОВСКОМУ>

Его превосходительству господину вице-президенту департамента уделов двора его императорского величества гофмейстеру и кавалеру

Льву Алексеевичу Перовскому

От чиновника оного департамента
Николая Гоголь-Яновского

Прошение.

Не имея возможности по домашним обстоятельствам продолжать службу под начальством Вашего превосходительства, всепокорнейше прошу уволить меня из департамента уделов и снабдить надлежащим аттестатом.

Студент 14 класса Николай Гоголь-Яновский.

АНТОНУ АНТОНОВИЧУ ДЕГУРОВУ^{7}

Его превосходительству господину ректору
С.-Петербургского университета действительному
статскому советнику и кавалеру
Антону Антоновичу Дегурову

От адъюнкта Николая Гоголя

Прошение.

Во всё течение прошедшего и нынешнего года я находил себя весьма расстроенным в здравьи. Врачи советуют употребить мне как единственное средство для восстановления оного Кавказские минеральные воды в нынешний курс, начинающийся с мая месяца и оканчивающийся августом. Почему я покорнейше прошу вашего превосходительства исходатайствовать мне от высшего начальства отпуск на четыре месяца, начиная с последних чисел сего апреля. по первое число сентября. Должность моя ничего от этого не

потерпит, потому что в мае месяце остаются только репетиции и лекции окончены мной в апреле, июнь остается для экзамена, июль же и половина августа составляют время каникулярное. Восстановление же моего здоровья подаст мне новые средства отправлять мою должность с наступающего учебного года с большим против прежнего рвением и исправностью.

Адъюнкт Николай Гоголь. 3 апреля 1835 года

**< ПРОШЕНИЕ НАСЛЕДНИКУ,
ПИСАННОЕ ГОГОЛЕМ ДЛЯ А.
А. ИВАНОВА. >{8}**

<20 с ^{ентября н. ст. 1841->}

Ваше императорское высочество,
всемилоостивейший государь.

Вам угодно было осчастливить меня при-
нятием моей картины, милостиво пожаловав
мне трехтысячный пансион в продолжение
трех лет. Гордый в душе сим высоким внима-
нием и вместе мыслию, что картина моя бу-
дет принадлежать вам, государь, я предпри-
нял произвести [совершить] ее [Далее было:
гораздо] окончательней и отчетливей, чем
предполагал прежде, и совершенней, сколько
может быть совершенней в границах сил мо-
их. Все часы и дни мои были отданы ей, и по-
сле трех лет непрерывной работы я увидел
с горестью, что [Далее было: огромность] не
мог измерить прежде всей огромности труда,
невозможного быть исполненным в означен-

ное время. Средств у меня нет, а заняться другим не могу: всякая другая работа отвлекла бы меня от предмета, наполняющего ныне всю мою душу, притом я бы чувствовал вечный упрек на моей совести, если бы картина не была кончена. Я принял смелость прибегнуть к вашему великодушию, государь, молить о продлении мне пан-сиона еще на три года, в продолжение которых я надеюсь несомненно, при моих непрерывных трудах, привести ее к окончанию.

Простите, государь! Ваше высокое покровительство к художествам и великодушное поощрение всего русского одни могли внушить мне мысль сию.

С чувством глубочайшего благоговения к особе вашего императорского высочества верноподданный

Алек<сандр> Иванов.

<ДОВЕРЕННОСТЬ А. А. ИВАНОВУ>{9}

<Около 27 октября н. ст. 1841. Москва.>

Уполномочиваю Александра Андреевича
Иванова получить следующие мне деньги
2000 рублей на ассигн<ации>.

Н. Гоголь.

<Адрес;> Roma (en Italie).

al Signor

Signor Alessandro Ivanoff (Russo).

In Roma al Café Greco vicino alla piazza di
Spagna nella via Condotti.

В Риме (в Италию).

<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО НИКОЛАЮ I.>^{10}

<Начало декабря н. ст. 1846. Неаполь.>

Всемилоостивейший государь!

Не вознегодуйте, что дерзаю возмущать маловременный отдых ваш от многотрудных дел моей, может быть неуместной, просьбой. Еще более года суждено мне не видать моего отечества: для укрепления моего в едва начинающем поправляться здоровьи моем потребен мне климат юга; для укрепления же моего здравия душевного, еще более мне нужного, чем телесное, потребно мне путешествие ко святым местам, составлявшее издавна живейшее желание мое. Я осмеливаюсь просить ваше императорское величество о высочайшем повелении вашем выдать мне паспорт на полтора года, особенный и чрезвычайный, в котором бы великим именем вашим склонялись все власти и начальства Востока к сказанью мне покровительства во всех тех местах,

где буду проходить я. Государь! знаю, что осмеливаться вас беспокоить подобной просьбой может только один именитый, заслуженный гражданин вашего государства, а я — ничто: дворянин, незаметнейший из ряду незаметных, чиновник, начавший было служить вам и оставшийся поныне в 8 классе, писатель, едва означивший свое имя кое-какими незрелыми произведениями. Но не я причиной ничтожности моей: десять лет тяжелых недугов оторвали меня от тех трудов, к которым я порывался; десять лет тяжелых внутренних страданий душевных лишили меня возможности подвизаться на полезных поприщах пред вами. Но не пропали эти годы: великой милостью бога устроено было так, чтобы совершалось в это время мое внутреннее воспитание, без которого не принесла бы пользы отечеству моя наиревностнейшая служба; великой милостью бога вложены в меня некоторые не общие другим способности, которых не следовало мне выказывать, покуда не вызреют они во мне и не воспитаются, и которыми по возвращеньи моем из святой земли я сослужу вам службу так же

верно и честно, как умели служить истинно
русские духом и сердцем. Тайный, твердый
голос говорит мне, что не останусь я в долгу
перед вами, мой царственный благодетель,
великодушный спаситель уже было погибав-
ших дней моих!

Двойными узами законного благоговения
и вечной признательности сердца связанный
с вами вечно верноподданный ваш

Николай Гоголь.

<ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО НИКОЛАЮ I.> {11}

<Около 16 января н. ст. 1847. Неаполь.>

Всемилоостивейший государь!

Только после долгого обдумывания и помолвившись богу, осмеливаюсь писать к вам. Вы милостивы: последний подданный вашего государства, как бы он ничтожен сам по себе ни был, но если только он находится в том затруднительном состоянии, когда недоумевают рассудить его от вас постановленные власти, имеет доступ и прибежище к вам. Я нахожусь в таком точно состоянии: я составил книгу в желании ею принести пользу моим соотечественникам и сим хотя сколько-нибудь изъяснить признательность вам, государь, за ваши благодеяния и милостивое внимание ко мне. Цензура не решается пропустить из моей книги статей, касающихся должностных лиц, тех самых статей, при составлении которых я имел неотлучно перед

своими глазами высшие желания души вашего императорского величества. Цензура находит, что статьи эти не вполне соответствуют цели нашего правительства; мне же кажется, что вся книга моя написана в духе самого правительства. Рассудить меня в этом деле может один тот, кто, обнимая не одну какую-нибудь часть правления, но все вместе, имеет чрез то взгляд полнее и многостороннее обыкновенных людей и кто сверх того умеет больше и лучше любить Россию, чем как ее любят другие люди; стало быть, рассудить меня может один только государь. Всякое решение, какое ни произнесут уста вашего императорского величества, будет для меня свято и непреложно. Если, благоволивши бросить взгляд на статьи мои, вы найдете в них всё сообразным с желаньями вашими, я благословлю тогда бога, давшего мне силы проразуметь не криво, а прямо высокий смысл ваших забот и помышлений. Если же признаете нужным исключить что-нибудь из них, как неприличное, происшедшее скорей от моей незрелости и от моего неумения выражаться, чем от какого-нибудь дурного

умысла, я равномерно возблагодарю бога, внушившего вам мысль вразумить меня, и обლობызаю мысленно, как руку отца, вашу монаршую руку, отведшую [В подлиннике: отведшую] меня от неразумного дела. В том и другом случае с любовью к вам по гроб и за гробом остаюсь вашего императорского величества признательный верноподданный

Николай Гоголь.

Комментарии

Печатается по подлиннику (ПБЛ), представляющему собой автограф с карандашными вставками и исправлениями Гоголя. Отрывок из первоначальной черновой редакции письма приведен в подстрочных вариантах.

Впервые напечатано в «Русской Мысли» 1896, № 5, стр. 168–172.

Переписанный начисто экземпляр этого письма был передан Трушковским А. О. Смирновой вместе с письмом к ней Гоголя от 18 июля 1850 г. Датируется по связи с письмом к Смирновой. Не было отправлено ни одному из адресатов. Послужило основой для составления А. К. Толстым проектов писем наследнику и В. Д. Олсуфьеву (см. ниже, <Официальное письмо наследнику Александру Николаевичу.>, конец августа—сентябрь 1850 г. и <Официальное письмо В. Д. Олсуфьеву.>, конец августа—сентябрь 1850 г.).

Книга эта... зреет вместе с нынешним мо-

им трудом... В последние годы жизни Гоголя интерес его к географии России всё возрастал по мере углубления его работы над «Мертвыми душами». Помимо получения географических и этнографических сведений от своих корреспондентов о знакомых им местностях, он усиленно изучает географическую литературу. В бумагах его сохранилось шесть тетрадей, содержащих, очевидно, подготовительные материалы к изданию географии России: две редакции сокращенно переданного Гоголем известного пятитомного труда П. С. Палласа «Путешествие по южным провинциям Российской империи» и др. (Г. П. Георгиевский. «Гоголевские тексты». Сборник «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. III. СПб. 1909, стр. 206–437).

[^^^]

Печатается по тексту (ПБЛ), написанному рукою гр. А. К. Толстого и представляющему собой переработку и сокращенное изложение большого письма Гоголя на имя двух министров и А. Ф. Орлова (см. <Официальное письмо гр. Л. А. Перовскому или кн. П. А. Ширинскому-Шихматову или гр. А. Ф. Орлову.> от 10–18 июля 1850 г.), посланного А. О. Смирновой с Трушковским. Гоголь остался не совсем доволен переработанным текстом, о чем говорят его многочисленные карандашные вставки. Так как они сделаны без отмены текста, над которым надписаны, и являются черновыми набросками, то даются не в основном тексте, а в виде подстрочных вариантов. Против слов письма: «Окончить вторую часть „Мерт<вых> душ“ я должен для того, чтобы было чем жить» — помета рукой А. О. Смирновой: «На это надобно упираться».

Впервые напечатано в «Русской Мысли» 1896, № 5, стр. 174–175.

Просьбы о пособии Гоголь так и не подал, и письмо к наследнику осталось в его бумагах в недоработанном виде. Приехав в Одессу, он решает поправить свое материальное положение другим путем — новым изданием своих сочинений, над подготовкой которого и трудится до самой смерти.

[^^^]

Печатается по копии рукой Шевырева (ПБЛ).

Впервые напечатано: как копия «прошения Н. В. Гоголя на высочайшее имя» — в «Русской Мысли» 1896, № 5, стр. 175–176; как копия «прошения на имя наследника» — в «Письмах», IV, стр. 339–340. Между тем о наследнике здесь говорится в третьем лице, следовательно, письмо не могло быть адресовано ему. Это, конечно, то самое письмо к В. Д. Олсуфьеву, которое советовали Гоголю написать Смирнова и А. К. Толстой, как сопроводительное к письму наследнику (см. «Русская Старина» 1890, № 12, стр. 655). Очевидно, кроме проекта письма наследнику, А. К. Толстой составил (опять-таки на основе текста большого письма Гоголя к министрам и А. Ф. Орлову) и проект письма к Олсуфьеву, тем более, что сам Гоголь в письме к Смирновой от 20 августа <1850> сообщает о получении от нее двух проектов официальных писем. Как и письмо наследнику, оно не было послано по назначению.

Олсуфьев, Василий Дмитриевич
(1796–1858) — с 1856 г. граф, состоял, при дворе наследника, был в дружеских отношениях с Жуковским, Хомяковым, Погодиным и другими писателями и учеными.

[^^^]

Впервые опубликовано В. В. Гишпиусом в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 286.

Подлинник в Библиотеке Академии Наук СССР (Киев); он представляет собою обгорелый с трех сторон лист бумаги; печатается по копии из материалов П. А. Кулиша (ПД), где воспроизведен весь текст. Копия сохранила и резолюцию директора: «Изготовить к моему подносу просимое свидетельство. Директор Ясновский». Временное свидетельство, видимо, тогда же было Гоголем получено; во всяком случае 13 декабря 1828 г. Гоголь выехал в Петербург, не получив еще «надлежащего аттестата», который помечен 25 января 1829 г.

[^^^]

Этот и следующий документы впервые опубликованы В. В. Гиппиусом в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 288 по подлинникам Архива внутренней политики, культуры и быта (Ленинград). См. «Дело № 1786 по прошению 14 класса Гоголь-Яновского об определении его в департамент». Началось 18 ноября 1829 года; решено 25 февраля 1830 г. Входящий № по 3 отделению 4011. При первой публикации дан и подробный комментарий к обоим прошением.

На прошении о зачислении в департамент надпись, неизвестно чья: «Справиться, есть ли ваканция» и резолюция министра: «Употребить на испытание в деп. госуд. хозяйст. и публичных зданий, и при первом докладе лично г-ну директору со мной объясняться 15 ноября 1829 г.» Число месяца на прошении Гоголем не проставлено, но имеются канцелярские пометы: 1 ноября 1829 г. (очевидно, дата поступления прошения) и 18 ноября 1829 г. (той же датой помечено и начало «дела» об

определении Гоголя). На прошении об увольнении резолюция (очевидно, директора департамента): «Возвратить. 26 февр. 1830 г.» С обнаружением прошений Гоголя о зачислении в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий и об увольнении из департамента — разъясняется история его первой петербургской службы, сильно запутанная его биографами, в частности — мнимое противоречие между показаниями самого Гоголя (см. письма М. И. Гоголь от 12 ноября 1829 г. и от 2 февраля 1830 г.) и М. И. Гоголь (письмо от 6 апреля 1830 г. к П. П. Косяровскому; см. примечания к тем же письмам) — с официальными данными о службе Гоголя в Департаменте уделов: с одной стороны, было ясно, что Гоголь служил с конца 1829 г., с другой — он поступил на службу только в апреле 1830 г. Желая примирить эти противоречия, А. И. Кирпичников пытался «искать разгадки» в клеветническом сообщении Булгарина («Северная Пчела» 1854, № 175), утверждавшем будто Гоголь по приезду в Петербург «явился к одному петербургскому журналисту» (т. е. к Булгарину), а тот, «тронутый его

беспомощностью», устроил ему место в канцелярии III отделения. Версия эта, впрочем, не разрешала противоречий (в письмах Гоголя к его матери речь идет о Министерстве внутренних дел), но, за неимением другой, была принята большинством биографов. С опубликованием подлинных прошений Гоголя служба его именно по Министерству внутренних дел и именно в конце 1829 — начале 1830 года подтверждается документально.

[^^^]

Этот и следующий документы впервые опубликованы И. Г. Ямпольским («Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», I, стр. 295 и 300, там же и подробный комментарий). Подлинники в двух делах 1 отделения Департамента уделов — «об определении и увольнении чиновников по 2-му отделению». (Центральный государственный архив народного хозяйства. Ленинград). Первое — № 969, началось 23 февраля, кончилось 21 октября 1830 г.; канцелярские пометы: «По об. вход. <ящему> № 6253. По I отдел. № 2681». Второе — № 1068, началось 23 февраля, кончилось 24 декабря 1831 г.

Второе прошение (письмо В. А. и М. И. Голяям от 13 августа 1821 г.) Гоголем не датировано. Канцелярские пометы 23 и 24 февраля 1831 г. (очевидно — дата прошения и дата резолюции).

Основные документы, относящиеся к службе Гоголя в Департаменте уделов, см. в указанной выше публикации И. Г. Ямполь-

СКОГО.

[^^^]

Печатается впервые. Подлинник — в архиве Канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа (ЛОИА, фонд № 139, связка № 84, дело № 4483).

На подлиннике прошения имеется резолюция (без подписи), сделанная, вероятно, кем-то из должностных лиц Петербургского университета: «Просить разрешения высшего начальства, по тому уважению, что совет не имеет права давать отпуск на срок превышающий 28 дней. Между тем поручить г-ну ректору и декану историко-фил. факультета удостоверить на следующей неделе в познаниях студентов по части средней истории для соображения при переводе их в следующий курс». Очевидно, результаты проведенного обследования «познаний студентов» были удовлетворительными, — во всяком случае Совет университета обратился к попечителю учебного округа со специальным отношением от 17 апреля 1835 г. за № 148 о предоставлении отпуска Гоголю. К этому отношению бы-

ло приложено и прошение Гоголя. От попечителя округа М. А. Дондукова-Корсакова было получено ответное отношение за № 1089 от 3 мая 1835 г. М. А. Дондуков-Корсаков сообщал, что по его представлению «г. министр народного просвещения, предложением своим от 24 того же апреля, изъявил свое согласие на увольнение адъюнкта здешнего университета Гоголя, в отпуск на четыре месяца, к Кавказским Минеральным водам, для поправления его здоровья».

О неосуществленной поездке Гоголя на Кавказ см. в письме Г. А. фон-Шверину, апрель 1835 г. [Не вошло в собрание Шенрока].

[^^^]

См. письмо Гоголя к А. А. Иванову от 20 сентября н. ст. 1841 г., примечания к нему и письмо Гоголя к Жуковскому от октября 1841 г.

[^^^]

Печатается по подлиннику (ЛБ).

Впервые опубликовано П. Кулишом в «Современнике» 1858, XI, стр. 131.

Дата определяется почтовым штемпелем.

[^^^]

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано во «Временнике Пушкинского Дома», Птг., 1914, стр. 89–90.

Датируется на основании сообщения Гоголя в письме к А. М. Вьельгорской от 8 декабря н. ст. <1846> (см. письмо А. М. Вьельгорской от 8 декабря н. ст. 1846 г.) «На прошлой неделе отправил я к вашему папиньке письмо с приложением письма к государю.»

...пашпорт на полтора года, особенный и чрезвычайный. В официальном письме от 9 января 1847 г. на имя Гоголя (с обращением «Николай Иванович») министр двора гр. В. Ф. Адлерберг известил его, что «таковых чрезвычайных паспортов» никогда и никому не выдавалось, поэтому император приказал министру иностранных дел гр. К В Нессельроде дать Гоголю беспошлинный паспорт на полтора года, предложить русскому посольству в Константинополе и всем русским консулам в

Турции оказывать ему во время путешествия в Палестину покровительство, для чего снабдить его соответствующими рекомендательными письмами к русским дипломатическим представителям на Востоке (письмо гр. В. Ф. Адлерберга см. в «Письмах», III, стр. 316–317)/

[^^^]

Печатается по подлиннику (ПД).

Впервые напечатано в «Библиографических Записках» (1859, стр. 105–106), как «черновой проект». Здесь печатается по беловому автографу.

Датируется по связи с письмом Л. К. Вьельгорской от 16 января н. ст. 1847 г. [Не вошло в собрание Шенрока], к которому было приложено.

[^^^]